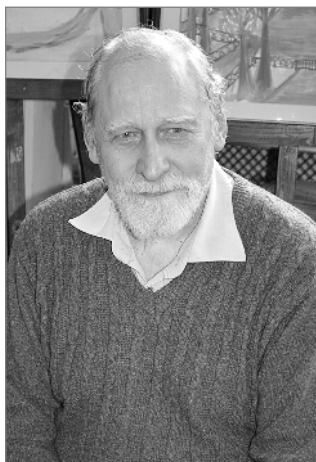

ГРАФ АРАКЧЕЕВ, ИЛИ ПРЕДАННОСТЬ ДВУМ ИМПЕРАТОРАМ — ОТЦУ И СЫНУ

Ты не понимаешь, что такое для меня Аракчеев. Все, что делается дурного, он берет на себя, все хорошее приписывает мне.

Александр I (из разговора с П.А. Клейнмихелем)

Татьяна БУРКОВА,
Санкт-Петербург, СПбГУ

Портрет А.А. Аракчеева. Худ. Дж. Доу. Военная галерея Зимнего дворца

Воспитание внуков Екатерина II полностью взяла в свои руки. Ведь Александра, названного по её желанию в честь Александра Невского, она хотела видеть будущим правителем Российской империи, а Константина, после осуществления «греческого проекта», — правителем восставленной греческой империи.

Братья должны были дать друг другу обещание, что Константин «не учинит ни в каком случае наследственное или иное притязание на всероссийское наследие, равномерно и брат его на греческое».

Однако во всём послушный указаниям бабушки Александр не горел желанием стать российским императором.

21 февраля 1796 г. он напишет своему наставнику Лагарпу, поселившемуся в окрестностях Женевы: «Я... жажду лишь мира и спокойствия, и охотно уступлю свое звание за ферму подле вашей или, по крайней мере, в окрестностях».

После воцарения Павла I Александр даёт своим мыслям уже несколько иное направление:

«...если когда-либо придёт и мой черед царствовать, то вместо добровольного изгнания себя я сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу... тогда нужно будет

стараться... постепенно образовать народное представительство, которое, должным образом руководимое, составило бы свободную конституцию, после чего моя власть совершенно прекратилась бы, и я, если Провидение покровительствовало бы нашей работе, удалился бы куда-либо и жил бы счастливый и довольный, видя процветание своей родины и наслаждаясь им».

И в самом деле, став императором, вместо того, чтобы «управлять Богом нам врученный народ по законам и по сердцу» Екатерины Великой, Александр I попытается реформировать страну...

Правда, его реформы вызовут только недовольство со стороны дворянства и чиновничества, а главный создатель «Плана государственного преобразования» М.М. Сперанский — этот «зловредный попович» — станет ненавистным для многих.

С желанием поселиться где-нибудь подалее у императора тоже ничего не получится...

Да и вместо создания народного представительства совершится несколько иное — император найдёт человека, который и в одиночку сможет управлять страной.

И тогда, уже в последнее десятилетие царствования Александра Благословенного, «усталый победитель Наполеона скроется за мрачной фигурой гатчинского капрала» (Н.К. Шильдер).

«Ещё в ребячестве слышал я, как с омерзением и ужасом говорили о людоеде Аракчееве... В краткое царствование Александра такие люди казались невозможны; этот умел сделаться необходимым и всемогущ. Сначала был он употреблен им как исправительная мера для артиллерии, потом как наказание всей армии и под конец как мщение всему русскому народу» (Ф.Ф. Вигель).

В 1820 году К.Ф. Рылеев напишет:

*Надменный времениц,
и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец
и друг благодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесённый в важный сан
пронырствами злодей!*

...
*Твои дела тебя изобличат народу;
Познает он —
что ты стеснил его свободу,
Налогом тягостным довёл до нищеты,
Селения лишил их прежней красоты...
Тогда вострепещи,
о времениц надменный!
Народ тиранствами
ужасен разъяренный!
Но если злобный рок, злодея полюбя,
От справедливой мзды и сохранит тебя,
Всё трепещи, тиран!
За зло и вероломство
Тебе свой приговор
произнесёт потомство!*

Аракчеев не обратит на эту эпиграмму особого внимания, хотя о том, что будет говорить о нём потомки, сам граф задумывался неоднократно. И даже в чём-то предвидя содержание этих высказываний, он скажет генералу А.П. Ермолову: «Много ляжет на меня незаслуженных проклятий».

9 апреля 1826 г. в письме к Николаю I граф напишет:

«Служа его величеству верою и правдою, я не приобрел ни чинов, ни почестей, ни богатства; я имел счастье удостоиться одной только награды, превыше всех наград, — его высочайшей к себе доверенности. Она одушевляла меня в моем служении и до конца дней моих пребудет единственным утешением, и всемирный Судия, грядущее время и потомство изречет всему справедливый приговор».

Князь П.А. Вяземский, говоря об Аракчееве, заметит, что тот, «как и многие другие лица современной истории, ожидают ещё верного, строгого, но и беспристрастного суда истории потомственной, которая часто проверяет и очищает приговоры и суждения истории современной, ибо в этой

последней нередко имеют слишком большое значение сплетни, предубеждения, личности и страсти текущего дня». Тем более что, «как строго ни суди о государственной деятельности и значении графа Аракчеева, но все же нельзя не признать в нём глубокого и трогательного чувства привязанности и преданности к памяти императоров Павла I и Александра I. Это чувство не просто царедворческое, но в нём есть даже что-то рыцарское и поэтическое...» Хотя Вяземский при этом констатирует, что Аракчеев «был на месте своем, как орудие реформ Петра Великого».

«Граф Аракчеев прошёл по жизни так, словно был выстуран из рукояти памятного петровского кнута — прошёл ярым, неистовым государственным ком, — отметит уже в наше время историк М.Д. Филлин.

Пушкин, люто ненавидевший и язвивший Аракчеева в своих эпиграммах в 1817–1820 гг., позднее изменит своё отношение к графу. В 1834 г. на одном из своих рисунков он рядом с Аракчеевым изобразит Сперанского.

«В прошлое воскресение обедал я у Сперанского... — отметит Пушкин в своём дневнике 2 апреля 1834 года. — Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: *Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как гении Зла и Блага*».

В дальнейшем эту запись Пушкина станут истолковывать абсолютно по-разному.

Одни — что здесь Сперанский — гений Блага, противопоставляется Аракчееву — гению Зла. Хотя конкретно по тексту: «гений Зла» относится почему-то именно к Сперанскому, а «гений Блага» — к Аракчееву.

Другие, более внимательные, — «*Вы и Аракчеев, вы стоите ... как гении Зла и Блага*», — находят, что это общая характеристика и того, и другого.

Ведь к весне 1812 г. в чём только ни обвинялся Сперанский, бывший Государственным секретарём Государственного совета, то есть вторым после императора лицом в государстве.

«...я попеременно был мартинистом, сборщиком масонства, защитником вольности, гонителем рабства и сделался, наконец, записным иллюминатом».

Дошло даже до обвинения Сперанского в предательстве, и Александр I в запальчивости скажет своему другу профессору Дерптского университета Г.Ф. Парроту, что этого изменника надо расстрелять, и при этом «говорил с гневом, которого я у него никогда не видел»...

Что же касается второго *Гения Зла и Блага* — графа Аракчеева, то после его смерти Пушкин напишет жене: «...Об этом во всей России жалею я один. Не удалось мне с ним свидеться и наговориться...».

А поговорить и в самом деле было о чём...

Алексей Андреевич Аракчеев — граф (1799), генерал от артиллерии (1807), военный министр России (1808–1810), участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг., единственный докладчик императору по делам Комитета министров и Государственного совета (с 1815), главный начальник военных поселений (с 1817).

Портрет великих князей Александра Павловича и Константина Павловича.
Худ. Ричард Бромптон. 1781 г.

Великий князь Александр Павлович в юности. С портрета И.Б. Лампи.

Великий князь Александр Павлович в юности. С портрета И.Б. Лампи

Начало биографии

23 сентября 1769 г. в семье Андрея Андреевича Аракчеева, небогатого помещика Бежецкого уезда Тверской губернии, родился мальчик, которого называли Алексеем.

Отец хотел, чтобы сын стал канцелярским чиновником, и сельский дьячок за три четверти ржи и столько же овса в год стал обучать Алексея российской грамоте и арифметике.

Когда же к соседям приехали в отпуск сыновья — кадеты Артиллерийского и инженерного шляхетного корпуса, то мальчик, увидев их красные мундиры с черными бархатными лацканами и наслушавшись рассказов о лагере, ученьях и стрельбе из пушек, был настолько потрясён, что бросился перед отцом на колени и стал просить отдать его в корпус.

В январе 1783 г. отец и сын Аракчевы вместе со слугой отправятся в столицу.

«В Петербурге мы остановились в Ямской, на постоялом дворе, и по нашему деньгам наняли уголок за перегородкой.

На другой день отец мой нашел писца, который написал нам просьбу, и после того, отслужив молебен, мы пошли хлопотать по нашему делу.

Много нам стоило ходьбы и терпенья, пока от нас приняли просьбу. О решении не было ни слуху ни духу, а между тем мы каждый день из Ямской ходили на Петербургскую сторону и ожидали на лестнице директора корпуса, Петра Ивановича Меллисино, чтоб поклониться ему и припомнить о нашей просьбе.

При этом ожидании скудный денежный запас моего отца все таял да таял и наконец, вовсе растаял, так что нам не осталось ни копейки. Положение было отчаянное! Отец мой слышал, что тогдашний митрополит Гавриил помогает бедным. Нужда заставила отца моего прибегнуть к прошению помощи.

Мы отправились в Лауру. Множество бедных стояли вокруг крыльца. Отец мой просил доложить высокопреосвященному, что дворянин желает видеть его. Нас впустили. Отец мой рассказал о несчастном своем положении и просил помощи. Высоко-

преосвященный отправил нас к казначею, и нам выдали рубль серебром.

Выйдя на улицу, отец мой поднес этот рубль к глазам, сжал его и горько заплакал. Я также плакал, смотря на отца.

Одним рублем мы прожили втроем, то есть со служителем нашим, целые девять дней! Не стало и рубля. Мы пошли опять на Петербургскую сторону и опять поместились на директорской лестнице.

Вышел Меллисино; я не дал отцу моему говорить, выступил вперед и в отчаянье сказал: «Ваше превосходительство! примите меня в кадеты! Мы ждём более не можем, потому что нам придется умереть с голоду. Всю жизнь буду благодарен вашему превосходительству и буду молиться за вас Богу! Батюшка мой не вытерпит и умрет здесь, а я за ним!» Слезы градом полились у меня.

Меллисино посмотрел на меня пристально. Я рыдал, а отец мой также утирал слезы в безмолвии. Меллисино спросил меня о фамилии и когда подана просьба, и потом воротился в комнаты, велел нам подождать. Через несколько минут он вышел и, подавая нам записку, сказал: «Ступай с этим в канцелярию: ты принят в корпус». Я бросился целовать его руки — но он ускользнул, сел в карету и уехал.

Прежде чем идти в канцелярию, мы пошли с отцом в церковь и, не имея на что поставить свечки пред образом, помолились Богу с земными поклонами и вышли из церкви с радостным сердцем.

На другой день я был принят в корпус. Истари говорят, что счастье и несчастье приходят всегда со свитой своею. Отец мой в тот же день встретился с одним родственником, приехавшим из Москвы с туго набитою кошню и давшим ему денег на проезд в деревню. Бог помиловал нас!

Этот первый урок бедности и беспомощного состояния сильно подействовал на меня».

Когда Аракчев становится хозяином Грузино, то на одном из островов возведёт красивейший павильон с надписью на фризе: «Посвящён в память воспитавшему меня генералу Меллисино»...

С первых дней пребывания в корпусе Аракчев будет отличаться «строгим поведением и прилежанием к наукам». Уже через семь месяцев он перейдёт в верхние классы, а за 4 года преодолет семилетний курс обучения.

В августе 1786 г. сержант Аракчев награждается «за отличие» серебряною вызолоченною медалью, которая носилась в петлице на цепочке.

«...вы властны, посещать классы или заниматься у себя; вы сами себе составите план наук и будете одной совести вашей отдавать в оном отчёт.

Ваш верный П. Меллисино»

17 сентября 1787 г. Алексею Аракчеву будет «пожалован первый обер-офицерский чин, от армии поручика», но с оставлением при корпусе репетитором и учителем арифметики и геометрии, а потом и артиллерии. Кроме этого он заведует корпусною библиотекой, которая по

подбору специальных книг считалась одною из лучших.

Потом он будет повсеместно создавать библиотеки в войсковых частях, считая, что «Чтение полезных книг в свободное время есть, без сомнения, одно из благороднейших и приятнейших упражнений каждого офицера. Оно заменяет общество, образует ум и сердце и способствует офицеру приуготовлять себя наилучшим образом на пользу службы Монарху и отечеству»...

А.А. Аракчев и М.М. Сперанский. Рис. А.С. Пушкина

На Аракчеева

*Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель,
И Совета он учитель,
А царю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он, «преданный без лести»?
Б... грошевый солдат.*

Иллюстрация на эпиграмму Пушкина.

«Комсомольская правда»
(№ 33, 10 февраля 1937 г.)

Летом 1788 г. король Швеции Густав III, приняв в расчёт, что основные военные силы России брошены на войну с Турцией, решил отвоевать территории, утраченные в предшествующих войнах. В ходе начавшихся боевых действий 38-тысячной неприятельской армии противостояли 19 тысяч русских войск.

Нападение вызвало настольно сильный переполох в столице, что Екатерина II даже говорила, что «переедет из Царского села в Петербург для ободрения жителей и, при надобности, выйдет с Гвардиеной в лагерь при Осиновой роще (Левашово)».

Правда, неприятельское вторжение будет успешно отбито, а незадачливого полководца императрица высмеет в комической опере «Горе-богатырь Косометович», представленной в Эрмитажном театре 20 января 1789 г.

Но в первоначальное и очень тревожное время подпоручику Аракчееву поручается обучение гренадерской команды и рекрутов артиллерийскому делу. «Аракчев не сходил с поля, обучал строю, лабораторному искусству и стрельбе». Помимо этого, он составит «Краткие артиллерийские записки», где в виде ответов на вопросы изложит основной материал, который было необходимо знать артиллеристам.

На успешную деятельность Аракчеева обратил внимание П. Мелиссино, и в 1789 г. он станет уже подпоручиком артиллерии, а в июле 1791 г. получит от Мелиссино письмо:

«С великим моим удовольствием уведомляю вас, что вы сего месяца 24-го, в učinённое по артиллерии произвождение, его светлостью князем Григорием Александровичем Потёмкиным-Таврическим произведены в штаб мой в старшие адъютанты, с чем вас и поздравляю... будьте уверены в моей к вам дружбе, добром расположении и всегдашнем почтении, с которым пребуду ваш, государя моего, почкорный слуга П. Мелиссино».

Дом Аракчеевых в Гатчине.
Фотография В.А. Томсинова

Служба в Гатчине

Подобно тому, как Петр I сформировал в Преображенском свои «потешные войска», так и Павел Петрович организывает у себя в Гатчине военные отряды.

Когда он выразит желание иметь для своей артиллерийской роты деятельного офицера, то Мелиссино предложит ему кандидатуру Аракчеева, который в возрасте 24-х лет и прибудет в Гатчину 4 сентября 1792 года.

«В Гатчине служба была тяжелая, но приятная, потому что усердие всегда было замечено, а знание дела и исправности отличены».

Аракчев умело учил гатчинских артиллеристов быстро менять огневые позиции, стрелять не только по площадям, но и по конкретным целям, при этом соревнуясь между собой в меткости и в быстроте стрельбы, что очень понравилось цесаревичу.

Уже 23 июля 1793 г. Аракчев становится майором артиллерии и подполковником армии и сообщает об этом Мелиссино.

«...Сколько мне оно не лестно, но вторая его высокая милость меня утешает более одной: всем моим офицерам до последнего изволил пожаловать чины, проговаривая при оном, что оно изволил делать для меня...»

К осени 1796 г. Алексей Андреевич будет пожалован комендантом Гатчины, произведён в подполковники артиллерии и полковники армии.

И признательный Аракчев искренне скажет цесаревичу: *«У меня только и есть, что Бог да Вы!»*

Но при этом:

«Я сделался комендантом Гатчины и всякий день должен был быть в параде, в разводе и на ученье. У меня был один мундир и одни лосиные панталоны. В ночь сниму я их с себя, выбелю и поутру рано мокрые надеваю опять. Летом это было сносно, но зимою доходило почти до слез, когда панталоны примерзали к телу и жесткий холод пронизал все нервы мои. Всякий день обедал я у Павла, но на ужин получал два блюда, которые приносились в мою комнату. Итак, и здесь все богатство мое заключалось в одном жалованье, которым я помогал родителям...»

При императоре Павле I

6 ноября 1796 г. Павел Петрович, приехавший к умирающей императрице, приказал немедленно прибыть туда и Аракчееву.

«Я скакал что было силы, и весь в пыли явился к императору, — он меня принял самым ласковым манером, сказал мне: “Служи мне верно”, — и, взяв меня за руку, подал к Александру, вложил мою руку в его руки и сказал: “Будьте друзьями!”... И мы всегда были друзьями. Александр, видя меня всего в пыли, сказал: “Верно, ты за скоростию белья чистого не взял с собою, пойдем ко мне, я тебе дам”».

И как святыня, будет потом храниться Аракчевым подаренная ему рубашка.

С 7-го числа Павел I начинает издавать Высочайшие указы по армии.

Аракчев назначается комендантом в С.-Петербург и штаб-офицером в лейб-гвардии Преображенский полк. Потом он будет произведён в генерал-майоры и награждён орденом Св. Анны 1-й степени.

Строгие требования Аракчеева к соблюдению чистоты и опрятности тут же приводят к тому, что «больные в госпиталях почувствовали благотворные следствия строгого надзора нового коменданта», а город принял опрятный вид «и жителям столицы не было необходимости совершать дальние объезды, чтобы миновать непроезжие улицы».

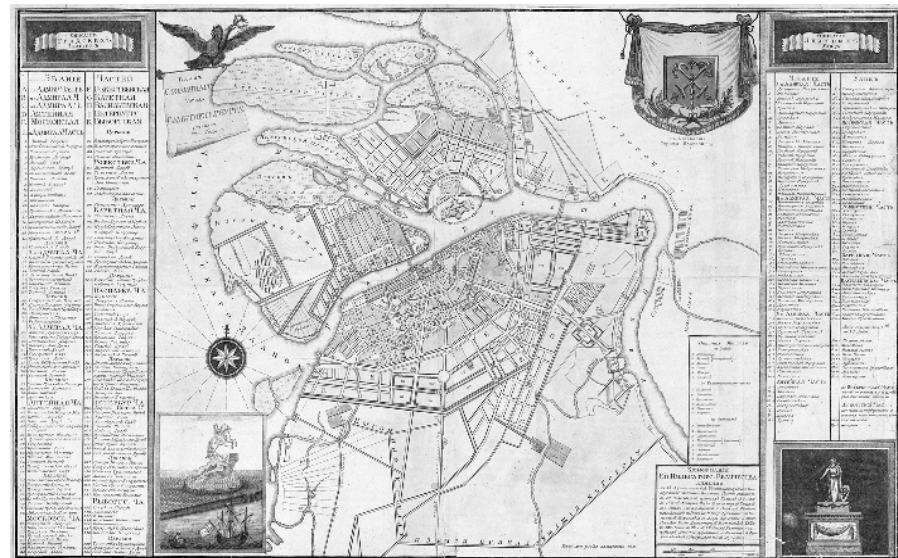
В день коронации императора, 5 апреля 1797 г., Аракчев получит орден Св. Александра Невского и баронское достоинство. Кроме этого государь пожалует ему село Грузино в Новгородской губернии с 2000 душ крестьян.

В дальнейшем Аракчев получит назначение генерал-квартирмейстером всей армии и командиром Преображенского полка.

Ряд назначений получит и цесаревич Александр Павлович.

Он станет первым Санкт-Петербургским военным губернатором, шефом лейб-гвардии Семёновского полка, инспектором по кавалерии и пехоте Санкт-Петербургской и Финляндской дивизий.

27 сентября 1797 г. цесаревич напишет Ларгуну:

План Санкт-Петербурга. 1792 г.

«Я сам, обязанный подчиняться всем мелочам военной службы, теряю всё своё время на выполнение обязанностей унтер-офицера, решительно не имея никакой возможности отдаться своим научным занятиям, составлявшим моё любимое времяпрепровождение, я сделался теперь самым несчастным человеком».

Ещё в Гатчине Александр, занимаясь манёврами, учениями и парадами, неоднократно прибегал к помощи Аракчеева как к советнику и руководителю «класса военной науки». И вот он снова просит его о помощи.

«Друг мой Алексей Андреевич! я к тебе не письмо пишу, а целую грамоту, и надеюсь, что ты простишь по дружбе твоей, что я тебя беспокою в недоумении своём и снабдишь меня советом. Я получил бездну дел, из которых те, на которые я не знаю какие делать решения, к тебе посылаю, почтя лучше спросить хорошего совета, нежели наделать вздору. № 1, от Мордвина...»

И далее список из двадцати двух номеров по вопросам об образцах мундиров, пунктов из устава и ротного расписания, рапортов различных офицеров и т.д.

«Прости мне, друг мой, что я тебя беспокою, но я молод и мне нужны весьма ещё советы, и так я надеюсь, что ты ими меня не оставишь? Прощай, друг мой, не забудь меня и будь здоров.

Александр»

Ответ Аракчеева последовал тут же:

«Прилагаю ко всему все присланные от вас бумаги, на которые я написал и ответ куда следовало...»

Павел I легко менял гнев на милость, а милость на гнев. Это скажется и на карьере Аракчеева. 18 марта он будет отставлен от службы.

Правда, опала оказалась недолгой, и в том же 1798 г. Аракчеев снова принимается на службу и назначается инспектором всей артиллерии.

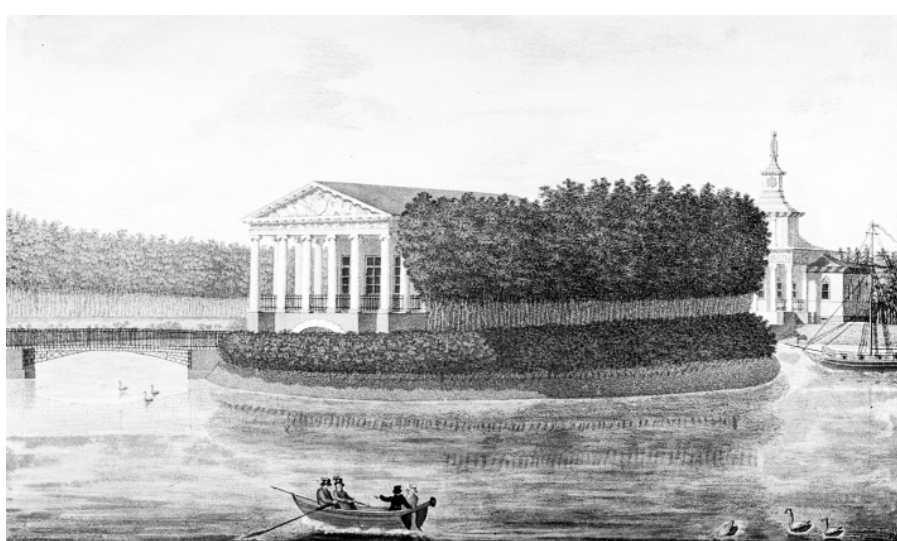
5 мая 1799 г. он будет пожалован в графы Российской Империи за «отличное усердие и труды, на пользу службы подъемные, распространяя оное на все потомство мужеска и женска пола, от него Графа Аракчеева происходящее», причём при утверждении герба император собственноручно прибавит надпись: «без лести предан»...

Аракчееву повелено присутствовать в Военной коллегии и навести порядок в Артиллерийской экспедиции, дела в которой «содержались в замешательстве и беспорядке». Граф решительно принимается за упорядочение деятельности экспедиции, выпустив ряд указаний, типа:

— за ошибку отвечает командир... а когда силы ослабнут, то может (он) выбрать себе покой;

— уснули и ничего не делаете, то оное непохвально, а я уже иногда неосторожен, когда кого пробуждаю.

Для устранения задержки в доставлении нужных сведений Аракчеев объявляет, что если сведения не будут получены вовремя, то «будут посланы особые курьеры на счет командиров для отобрания ответов».

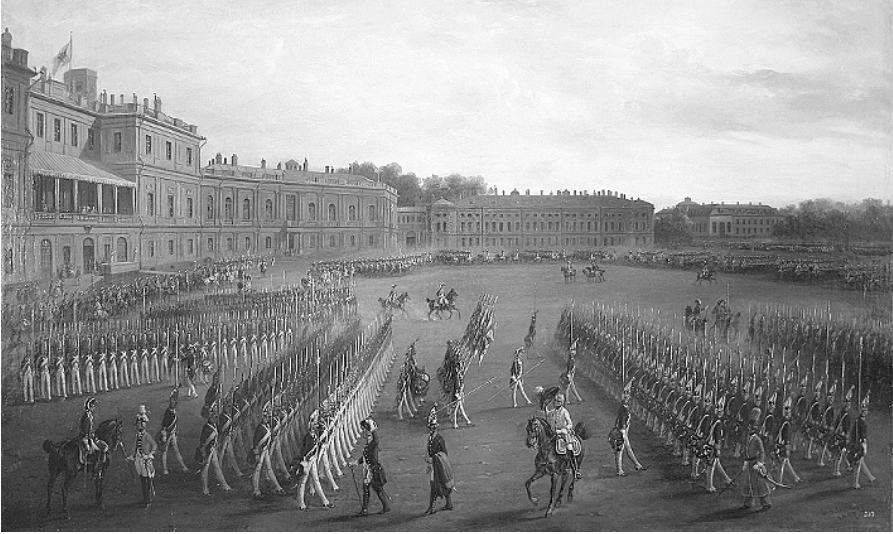

Вид Храма на острове, посвящённого Генералу Мелисину.
Рисовал на камне Архитектор Семенов 1822-го

*Петръ Ивановичъ
Мелисину, 1726-1797*

*Pierre Ivanowitch
Mélissino, 1726-1797*

Парад при Павле I. Худ. Г. Шварц

Император Александр I в 1802 году.
Съ зррчен, шншннн» Буален.

Император Александр I в 1802 году.
С портрета, писанного Вуалем

Но усердие Аракчеева не спасло его от новой опалы в октябре 1799 г.

В Санкт-Петербургском арсенале совершается кража.

Караул в тот день был от лейб-гвардии артиллерийского батальона, которым командовал брат Аракчеева. Аракчеев попытается спасти его от наказания, но в итоге пострадают оба.

Последовал высочайший приказ, по которому «за ложное донесение» Аракчеев был отставлен от службы с воспрещением въезда в столицу.

Аракчеев напишет письмо Александру Павловичу, прося заступничества за брата:

«...Сделавшись несчастным, сношу оное с прискорбием в полной тяжести оно-го; но положение моего родного брата, генерал-майора, обременяет меня, ваше императорское высочество, и доводит до отчаяния, — которой, чрез меня сделавшись ныне виновным и будучи молодой человек, находится в праздности без службы; а как военным судом в покраже из арсенала караул и караульный офицер бывшего его батальона оправданы, то и припадаю слёзно к стопам вашего императорского высочества, сделать мне одну наивеличайшую вашу отеческую милость, исходатайствуйте ему у милосердного нашего государя императора прощение, определением его опять в службу, дабы он, будучи молодой человек, мог заслужить и жертвовать своею жизнью за все милости к нашей фамилии».

Сам же Аракчеев уезжает в Грузино.

Грузино. 1799 год

«Село Грузино, с принадлежащими к оному селениями, находится в Новгородской губернии и уезда, вниз по реке Волхову, на правой стороне ея. Оно состоит в средоточии от окружающих его городов: Санкт-Петербурга, Новгорода, Ладоги и Тихфина. Сие место... славится в древности посещением первого в России проповедника Евангелия Святого Апостола Андрея Первозванного. Святой Андрей, проходя из Новгорода в Рим, был в Грузи-

не, и там водрузил свой жезл пророчествуя тем самым возсиять на сем месте свету истины» (*Протоиерей Грузинского собора Ф. Малиновский*).

Именно от этого «водрузил» место это и получило название Грузино, позднее сменившееся на Грузино.

В 1705 г. Пётр I подарил Грузино А.Д. Меньшикову, которым тот владел до своей опалы в 1727 г.

В начале правления Павла I им была «Декабря 12-го 1796 года, пожалована Алексею Аракчееву Грузинская вотчина, 2000 душ».

Стараниями Аракчеева она постепенно превратилась в образцовое сельское хозяйство. В болотах и по низким местам был вырублен лес и выкопаны каналы, от чего образовались изрядные пашни, предоставленные крестьянам, что составило для них сверх прокормления домашнего скота важный промысел.

Ранее все жители помещались на одной только части горы, а потому не имели ни пространных дворов для скотоводства, ни чистых улиц для удобного прохождения.

В 1801 г. большинство грузинских жителей были поселены за перетоком на поле особенно плодородно, названной Поличкою, новые крестьянские дома, возведённые на каменных фундаментах, были обшиты тёмсом и раскрашены красками. Каждый дом строился на две семьи. Строй домов прерывался прямоугольной площадью, посредине которой находился хлебный магазин-склад зерна.

Через переток был переброшен деревянный мост. Потом в перетоке выкопали пруды, а вынутая из них земля была использована для создания островов.

Благодаря этому топучий и вязкий переток сделался сухим и ровным лугом, да и болота, находящиеся выше его, год от году начали просыхать и производить траву превосходного качества.

Аракчеев установил правило, по которому каждая крестьянская семья должна была иметь хотя бы одну лошадь и несколько дойных коров, в зависимости от размера земельного участка. Если имелось земли на две души, то не менее четырёх; если

на три души — шесть и т.д. В случаях, когда скотина заболела или издыхала, вотчинный голова под угрозой штрафа обязан был немедленно заменить её или купить новую. Порядок и требовательность графа распространялись абсолютно на всё.

Так, рассерженная мать не должна была кормить ребёнка грудью.

Обмывать ребёнка разрешалось только тёплой водою.

Запрещалось пугать детей с целью прекращения их плача и прибегать к шептанию и колдовству старух и т.д.

По поручению графа архитектор Ф.И. Демержев создал из старинного поселения, расположенного на высоком берегу реки Волхов, завораживающий современников ансамбль — усадьбу с многочисленными постройками, памятниками, садами, парками и прудами, о красоте которой потом расскажут в своих воспоминаниях гости Аракчеева: В.А. Жуковский, А.Н. Оленин, А.А. Писарев, Ф.В. Булгарин, Н.И. Греч, П.П. Свиныин и многие другие.

Главными постройками Грузино станут собор во имя Святого апостола Андрея Первозванного и графский дворец, между которыми, образуя небольшую улицу, расположатся шесть служебных флигелей. Около собора будет создана обширная площадь, въезд на которую пройдёт между двумя домиками, предназначенными для больницы и лекаря.

В больнице лечились больные, требующие «большого надзирания и особенного о них попечения», при этом «без всякой от них платы как за лечение и лекарство, так за содержание оных и прислугу». Сверх того легко больных крестьян лекарь должен был посещать в их домах.

За флигелями и соборной площадью располагались садовые сооружения: оранжереи, теплицы, парники и дом садовника. На более пологой западной стороне, спускающейся к Волхову, раскинулись конюшенный, скотный и птичий дворы, молочня, сараи, прачечная и кузница.

При Александре I

В 1801 г. императором становится Александр I.

В апреле 1803 г. Аракчеев получает от него записку:

«Алексей Андреевич! Имея нужду видеться с вами, прошу вас приехать в Петербург».

14 мая 1803 г. граф Аракчеев вновь назначается командиром лейб-гвардии артиллерийского батальона и инспектором всей артиллерии...

«Ноября 20-го, 1805 г. онаго числа был граф Аракчеев на сражении, бывшем в Моравии под Аустерлицом с Французами, с Императором Александром 1-м».

«Говорили, что император Александр возвратился после Аустерлица более побежденный, чем его армия; он считал себя бесполезным для своего народа, потому что не имел способностей начальствовать войсками, и это его чрезвычайно печалило...

Это известие ... показывает нам значение Аустерлица: важно было для императора Александра освободиться от мнения о своих военных способностях, важно было для него и для всех русских освободиться от мнения о возможности легко управиться с Наполеоном — мнения, основанного на том, что он не имел дела с русскими, которые с Суворовым били французов. Для государя и народа важно было освободиться от неправильного мнения о своих средствах и средствах противника, ибо это освобождение даст возможность заняться исканием других средств к борьбе. Долго горевать о прошлом было нельзя, ибо надобно было поскорее думать о будущем, и, к счастью, оказалось, что Александр не был способен долго горевать» (С.М. Соловьев).

Под Аустерлицем артиллерия лишилась 133 орудий, поэтому требовалось скорейшее восстановление расстроенных рот и артиллерийских парков.

Аракчеевым была создана специальная комиссия для анализа действий русской артиллерии в этом сражении. По результатам работы комиссии Аракчеев начинает реформировать армию и достигает в этом быстрых и заметных успехов.

«Доведение до превосходного состояния артиллерии и успешное действие оной в продолжение сей войны, также исправное снабжение оной всем нужным, обязывает меня сделать достойное воздаяние заслугам вашим; почему приказом моим

Портрет А.А. Аракчеева.
Худ. Вендрамини, нач. XIX в.

5
*Генерал-графъ Графъ
Аракчеева.*

Герб графа А.А. Аракчеева

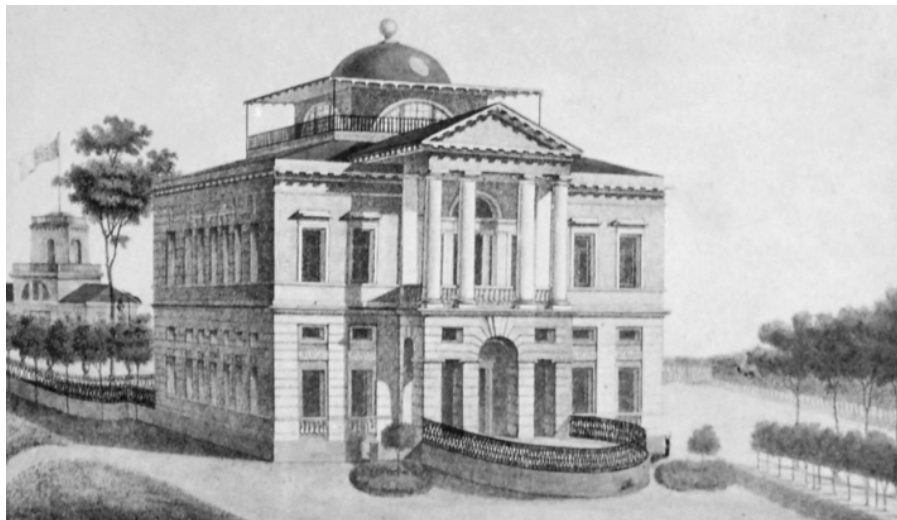
вчерашняго дня произведены вы в генералы-от-артиллерии. Примите сие знаком моей признательности и особаго моего благоволения».

(Рескрипт императора от 28-го июня 1807 г.)

После же посещения петербургского арсенала Александр I, удостоив Аракчеева изустной благодарности в самых лестных выражениях, объявил её и в Высочайшем приказе 17 июля 1807 г.: «Его ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО по обозрению здешнего

Артиллерийского Арсенала, в котором сверх других по сей части запасов, приготовлено 200 новых орудий, с их ящиками, всю принадлежность, даже упряжью и всю збрую, объявляет Всемилостивейшее благоволение Своё Генералу от Артиллерии Графу Аракчееву, за деятельность его и неусыпное на пользу службы попечение».

14 декабря Александр I издаёт указ: «Объявляемые генералом от артиллерии графом Аракчеевым Высочайшие повеления считать именными нашими указами».

Вид Грузинского каменного дома с приезда от Собора. Рис. И.С. Семенов. 1821 г.

Вид крестьянских домов в селе Грузине с приезда от реки Волхова. Рис. И.С. Семенов. 1824 г.

13 января 1808 г. император повелел Аракчееву быть военным министром, а 17 января — генерал-инспектором всей пехоты и артиллерии с подчинением ему комиссариатского и провиантского департаментов.

Открывшееся после кампании лихоимство, скорей даже хищничество чиновников этих департаментов привело к тому, что в 1807 г. они были лишены права носить общий армейский мундир. Государь поставил им в вину, что большая их часть, имея в виду своё обогащение, возвышали цены на все припасы, тогда как войска терпели во всём нужду и важные предприятия были тем останавливаемы ко вреду государства.

Аракчеев усилил контроль над действиями чиновников и принял меры к тому, чтобы скорей снять с них позорное клеймо. Уже к концу 1809 г. Александр I, довольный службою продовольственных ведомств, предоставит Аракчееву право возвращения мундира их чинам.

И несколько десятилетий воровства просто не наблюдалось.

Но уже во время Крымской (Восточной) войны 1853–1856 г. всё изменится.

Казнокрады из интендантских служб укарадут средства на суммы, превышающие прямые военные расходы. Обнаружится пропажа невообразимого количества провианта, небывалого падежа целых воловых гуртов, купленных за большие деньги и не доставленных по назначению. Всплывут наружу поразительные по своей дерзкой ловкости сделки между поставщиками-подрядчиками и приёмщиками-чиновниками. (См.: «Изнанка Восточной войны» в кн. Ю. Дрюкова. Любопытное собрание разнообразнейших историй. СПб., 2016.)

30 августа 1808 г. Александр I вручит Аракчееву приказ: «В доказание признательности Его Императорского Величества к ревностной службе и неусыпной деятель-

ности Военного Министра Графа Аракчеева, повелеваем Ростовскому Мушкетёрскому полку носить его имя». И по 28 апреля 1834 г. полк сей будет называться Гренадёрским Графа Аракчеева.

В 1809 г. король Прусский пожалует Аракчеева орденом Красного Орла 1-й степени и орденом Чёрного Орла.

Война со Швецией. 1808–1809 годы

Летом 1807 г. был заключён Тильзитский мир. В ходе встречи двух императоров Наполеон, оставляя за собой решение вопросов в Европе, обратит внимание Александра I на север: «*Петербургу слишком близок к финляндской границе; прекрасные петербургские дамы не должны более в своих дворцах слышать громы шведских пушек.*»

Король Швеции Густав IV Адольф откажется от предложения России присоединиться к антианглийской коалиции, и 9 февраля 1808 г. русские войска перейдут границу Финляндии. В течение 3-х месяцев они, не встречая сколько-нибудь серьёзного сопротивления со стороны шведских войск, займут южную и юго-западную часть Финляндии.

«Через занятие города Або, — доносил 12 марта главнокомандующий русскими войсками Ф.Ф. Буксгевден государю, — Великому Княжеству Финляндскому по всем отношениям можно считать покорённым...»

16 марта Александр I издаёт декларацию: «*Его Императорское Величество возвещает всем державам европейским, что отныне часть Финляндии, которая доселе именовалась шведскою ... признается областью, российским оружием покорённою, и присоединяется навсегда к Российской Империи.*»

«...уже время он пишет Наполеону: «...*ваша Финляндия завоевана. Остаётся только Свеаборгская крепость, которая ещё держится; но комендант начал уже переговоры и, надеюсь, в скором времени она капитулирует.*»

Жалею, что непрочный лёд препятствует движению моей армии через море у Аланды; она была бы тогда в трех переходах от Стокгольма...»

Но вскоре оказалось, что силы русской армии не соответствуют ни пределам захваченной территории, ни широте поставленных задач. Она даже очутилась в положении, близком к критическому. Поэтому 7 ноября граф Каменский заключает в Олькюки перемирие на неопределённый срок...

Александр I, ещё в марте объявивший о своей победе Наполеону, был крайне неприятно поражён, что в уже наступившее зимнее время перенос военных операций в сердце Швеции вдруг оказался совершенно невыполнимым.

Общее руководство войсками осуществлял Б.Ф. Кнорринг, под началом которого находились корпуса М.Б. Барклай де Толли, П.А. Шувалова и П.И. Багратиона. Военачальники всеми силами старались отклонить перенесение военных действий на шведскую территорию, донося о неодолимы препятствиях, при этом Кнорринг просил об отставке; Барклай де Толли писал, что решительно идти нельзя; граф Шувалов утверждал, что люди пропадут с голода. Только Багратион скажет: «Прикажут — пойду».

И тогда, уже в феврале 1809 г., в Финляндию приедет Аракчеев.

Меньше чем за две недели он устранил все затруднения, тормозившие дело, — войска будут укомплектованы, продовольствие собрано, настроение вождей поднято.

Так граф напишет Барклаю де Толли: «...*На счет объяснения вашего, что вами очень мало получено наставлений от Главнокомандующего, то Генерал с вашими достоинствами в оных и нужды не имеет.*»

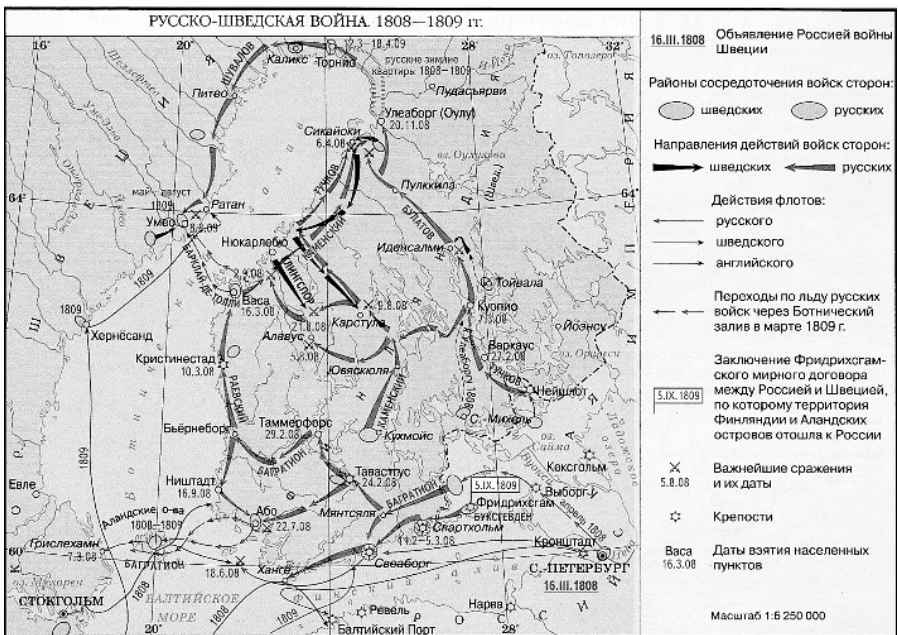
На сей раз я желал бы быть не Министром, а на вашем месте, ибо Министров много, а переход Кваркена Провидение предоставляет одному Барклаю де-Толли».

26 февраля тронулся в поход на Аландские острова корпус князя Багратиона. 4 марта Барклай де Толли двинул свои войска через Кваркен. 6 марта возобновил военные действия граф Шувалов. 4 марта передовые войска Багратиона будут уже вблизи неприятельских берегов.

Но государственный переворот, совершившийся в Стокгольме 1 марта и приведший к низложению короля Густава IV Адольфа, помешает немедленному выполнению плана Александра I.

Шведы запросили перемирия. Аракчеев же настаивал на заключении мира, по которому Швеция навечно бы уступала России Финляндию с Аландскими островами.

Переговоры затягивались, а время работало на Швецию. Из-за угрозы начала

Русско-шведская война. 1808–1809 гг.

таяния льда русские войска вернулись в Финляндию.

И только 5 сентября 1809 г. Фридрихсгамский мир наконец был подписан.

На другой же день «Государь Император Александр I изволил прислать к графу Аракчееву, по случаю мира с Швециею, с флигель-адъютантом, орденом Св. Апостола Андрея Первозванного, тот самый, который сам изволил носить, при рескрипте Своем: оный орден упросил граф Аракчеев, того-же числа в вечеру, взять обратно, что Государем Императором милостиво исполнено; а дабы сей рескрипт не утерялся, то с онаго копия списана в сей книге на листах в Пасхалии, а другая копия написана на листах в Евангелии, в селе Грузине».

Аракчеев отказался от ордена, поскольку сам он непосредственного участия в боевых действиях не принимал.

«Я не воевода и не брался предводитель войсками, но Бог дал мне столько разума, чтобы различить правое от неправого... и если бы слушал всех да не столкнул Барклай на лед, прямо в Швецию, то мы еще года два пробились бы в Финляндии».

Но этот ледовый переход русской армии навсегда войдет в славную историю её подвигов.

А потому, когда в 1854 г. англо-французская эскадра захватит крепость Бомарзунд на Аланских островах и адмирал Непир предложит шведскому правительству немедленно занять Бомарзунд и всю Аландскую островную группу, то король Оскар, понимая, что тогда зимой надо будет ждать нового прихода русских войск по льду Ботнического залива, откажется от этого подарка. (См.: «Глава II. Балтийская кампания 1854 г.» в кн. *Е.В. Тарле. Крымская война. Т. II.* — М.-Л.: 1941–1944).

Реформирование артиллерии

В результате реформ, начатых Аракчеевым ещё в должности инспектора всей артиллерии, полевая артиллерия ограничится орудиями четырёх калибров облегчённой конструкции, определится боекомплект каждого орудия, вместо зарядных фур введутся зарядные ящики, во всей артиллерии будет введён диоптр Маркевича (прицел) и т.д.

Большое внимание уделяется повышению образования офицеров, для чего вводятся экзамены для поручиков, подпоручиков, юнкеров и фейерверкеров.

Граф старается сделать приём экзаменов как можно беспристрастнее и честнее, подчеркивая, что служба ценится прежде всего «по личным достоинствам» и что именно от успехов в занятиях зависит «степень знаменитости и величия» артиллерии, а значит — безопасность и благосостояние Отечества и монарха. При этом граф «предоставил всем господам артиллерийским офицерам, право требовать Экзамен-

Эпизод Бородинского сражения. Подвиг артиллеристов. Худ. А.Ю. Аверьянов. 1993 г.

ту как скоро кто чувствует себя достойным и знающим те науки».

Чтобы обеспечить «сбережение людей и комплектование полков не необразованными рекрутами, а молодыми солдатами» Аракчеев учреждает запасные рекрутские депо, в которых необходимо:

«— чтобы не изнурять людей и отнюдь за ученье не наказывать, ибо ошибки в учениях завясят больше от понятия, которое не у всякого человека равно; следовательно, чтобы довести рекрута до желаемого совершенства, надобно употреблять время и старание, дабы не побоями, а благоразумным растолкованием и ласковостью дойти до того;

— отличных рекрут в поведении и учении иметь всегда на замечании и пред другими давать им преимущество, переменяя рекрутские воротники на красные суконные, поручая в команду им других и напоследок производя в ефрейторы»...

Создаются учебные батальоны, где происходит обучение солдат и офицеров во время учебных стрельб навыкам ведения огня.

В 1804 г. Аракчеев учреждает «Временный артиллерийский комитет для рассмотрения гарнизонной артиллерии», который в 1808 г. переименовывается в «Ученый комитет по артиллерийской части». Главнейший предмет его занятий «изыскивание всех способов к доведению до возможного усовершенствования всех до артиллерийского искусства относящихся предметов, как со стороны теории, так и со стороны практики».

Аракчеевым было положено и основание специального «Артиллерийского журнала» для представления всего, что «писано об артиллерии» и что составляет «великие изобретения».

«Все это, произведенное попечением графа Аракчеева, поставило Русскую артиллерию на ту степень совершенства и

славы, которая в незабвенных походах 1812, 1813 и 1814 годов, приобрела ей удивление Европы.

В сём отношении заслуги его незабвенны». (А.И. Михайловский-Данилевский)

Приказ начальника артиллерии 1-й армии А.И. Кутайсова накануне Бородинского сражения: «Подтвердить от меня во всех ротах, чтобы они с позиций не снимались, пока неприятель не съедет верхом на пушки. Сказать командирам и всем офицерам, что отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно только достигнуть того, что неприятелю не уступить ни шагу нашей позиции. Артиллерия должна жертвовать собою; пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор, и батарея, которая таким образом будет взята, нанесёт неприятелю вред, вполне искупающий потерю орудий».

Ключевой точкой Бородинского сражения станет батарея Раевского, которую французы назовут «могилой французской кавалерии». За время, пока она переходила из рук в руки, неприятель потеряет здесь более 3000 солдат и 5 генералов...

Отбивая батарею у врага, погибнет Александр Кутайсов.

«После убитого генерал-майора графа Кутайсова командовал всю артиллерию и благоразумным распоряжением оной делал неприятелю большой вред», — М.И. Кутузов. (Из характеристики В.Г. Костенецкого в рапорте с представлением списка генералов, отличившихся при Бородине.)

Когда в разгар боя на одну из батарей ворвались польские уланы и начали рубить канониры, то находившийся поблизости Костенецкий бросился навывучку и, отбросив саблю, начал валить врагов орудийным банником до тех пор, пока банник не сломался. Артиллеристы, кто чем мог, так же успешно отбивались от врага... И уже вскоре они вновь открыли огонь...

Подвиг Генерала Костенецкого. Худ. А.Ю. Аверьянов. 1993 г.

Костенецкий при встрече с Александром I предложит ввести в артиллерии вместо деревянных железные банники. Император улыбнётся: «Железные банники у меня могут быть, но откуда взять столько Костенецких, чтобы владели ими?»

Грузино. 1810 год

«1810 года июня 7-го дня ныне благополучно царствующий Государь Император Александр I к неизреченному счастью Грузинских жителей удостоил оное село Высочайшего своего посещения.

Он обозревал не только самое село, но благоволил посетить и окрестныя селения и входить в самые дома крестьян. Благоустройство оных произвело в нем удоволь-

ствие, которое изъясняется в присланном Е.И.В. рескрипте:

“Граф Алексей Андреевич! Устройство и порядок, который лично видел Я в деревнях ваших при посещении вас... доставили мне истинное удовольствие. Доброе сельское хозяйство есть первое основание хозяйства Государственного...

Быв личным свидетелем того обилия и устройства, которое в краткое время без принуждения, одним умеренным и правильным распределением крестьянских повинностей и тщательным ко всем их нуждам вниманием успели вы ввести в ваших селениях, Я поспеваю изъяснить вам истинную Мою признательность за удовольствие, которое вы Мне сим доставили. Когда с деятельною Государственною службою сопрягается пример частнаго

добротою хозяйства, тогда и служба и хозяйство получают новую цену и уважение. Пребываю вам всегда благосклонный. Александр”»

Вскоре граф получит письмо от матери — Елисаветы Андреевны Аракчеевой.

«Приятнейшее твое письмо сего месяца 23-го числа мною получено, по которому я и была чрезвычайно обрадована, узнав о здоровье твоем и благосклонном посещении к тебе великаго Государя...

А притом благодарю тебя мой батюшко и за присланный свой портрет. Мне очень было желательно иметь его у себя, но только жалею, что на нем многого прекрасного недостает как и на тебе, потому что ни орденов, ни крестов, ни форменного платья я ничего не вижу. Конечно, он ко мне ехавши все растерял».

О посещении Грузино императором станет известно даже в Европе.

«Г. Бей — графу Аракчееву. 15-го сентября 1810 г. Бургония.

Я читал в парижском “Монитёре” о славном угощении, сделанном вашим сиятельством вашему Государю... Сие событие делает большую честь подданному, а равно и Монарху... Из сего видно, что ваше сиятельство изволите обладать большим имением и что находится у вас много сиятельства много запасов разного рода вина, водок, ликёров и проч. А посему, если вам нужно выписать все оное из Бургонии, как-то: самого первого сорта мускат, лангедокскую водку, оливковое масло, уксус белый и красный, горчицу и проч., то, получив ваше уведомление, я могу вам (прислав наперед счёт) доставить всё оное в будущем феврале, до Кенигсберга или морем. Впрочем, находящийся в Мюнхене российский посол князь Барятинский и член государственного совета граф Гудович могут дать вам сведения о доброте всех вышеперечисленных вещей».

В мае 1805 г. в Грузино закладывается храм Святого Апостола Андрея Первозванного. В 1806 г. он уже будет готов к освящению.

На берегу пруда возводится беседка, построенная в память светлейшего князя А.Д. Меншикова и представляющая собою древнее, поросшее мхом и травой полуразвалившееся здание, в котором находится алебастровый бюст князя.

После получения имени Аракчеев стал искать следы его усадьбы, но не нашёл. Тогда он и решил создать искусную подделку под старину, имитирующую постройку, оставшуюся от начала XVIII века.

Рядом с ней будет поставлен памятник крестьянину, который сажал липовые деревья при Меншикове: «В память стодвадцатипятилетнему старику Исаку Константинову, коим в молодости его сажены сии деревья; родился 1681 года, а умер 1806 года»...

В Государственном совете

Но к 1810 г. наиболее приближённым к Александру I становится уже М.М. Сперанский, возглавивший реформаторскую деятельность императора.

Вид Руины в Грузинском саду в память князю Меншикову. Рис. О.С. Родионов. 1822 г.

Единственный докладчик

В 1815 г. Алексей Андреевич назначается единственным докладчиком императору по делам Комитета министров и Государственного совета. С этого времени Александр I руководит империей через Аракчеева, который регулярно отчитывается перед ним и фактически руководит страной. Теперь всем министрам вследствие «трудолюбивого и попечительного исполнения Аракчеевым государственных обязанностей» приходится «съезжаться к нему к 4 часам ночи».

Конечно, такая совместная работа с «Силою Андреевичем» породила множество недовольных, для которых он стал и «вреднейшим человеком», и «злодеем, губящим Россию», и «проклятым змеем, который живёт на Литейной»...

Для высокомерных аристократов это был всеисильный и жестокий временщик, третирующий любое сановное лицо.

Но более справедливые современники признавали, что «из всех министров минувшей эпохи граф Аракчеев был одним из самых трудолюбивых, дельных и честных» и что он, «занимаясь делами с железною настойчивостию», всемерно стремился «поставить деловое и опытное на место знатного пусточванства».

«Вопреки господствовавшей тогда общей недобросовестности, Аракчеев был человеком безукоризненной честности: он не пользовался от службы и не обращал в деньги милостей к нему Государей. Огромные суммы, проходившие через его руки, не «прилипали» к ним...»

Даже Ф. Ф. Вигель, неблагоприятный к Аракчееву, подчеркивает, что в то время, когда «бессильная геронтократия дремала у государственного кормила... за всех бодрствовал один всем ненавистный Аракчеев».

Граф и сам сознавался, что «имеет на шее дела всего государства».

Он просматривал и проверял решения Комитета и наводил справки по всем делам, которые казались Государю сомнительными.

Пометки Аракчеева, с которыми всегда соглашался Александр I, несомненно обнаруживают в их авторе острый практический ум, способность сразу ориентироваться в деловых вопросах и намечать наиболее целесообразные выходы из сложившихся положений. Его поправки вытекали из существа дела и большею частью свидетельствовали о более глубоком и зрелом взгляде на данные вопросы, нежели заключения Комитета министров.

Рассматривая мемории Комитета министров, Аракчеев зорко следил за выгодами казны и старался предупреждать вредные для казённых интересов поползновения.

Когда Комитет министров согласился с Главным управлением путей сообщения не проводить дополнительной ревизии работ по Московскому шоссе, то Аракчеев написал: «Не кроется ли тут умысел огромные издержки на шоссе оным самым покрыть», а царь положил резолюцию: «Замечание весьма основательное; можно объявить, что я на сие не согласен».

Императоръ Александръ I

Александр I в 1814 году под Парижем.
Худ. Ф. Крюгер. 1837 г.

чен до крайности; я себя вижу после 14-летнего тяжкого управления, после двухлетней разорительной и опаснейшей войны, лишённость того человека, к которому моя доверенность была неограниченна всегда. Я могу сказать, что ни к кому я не имел подобной и ничье удаление мне столь не тягостно, как твоё. Навек тебе верный друг».

Но в честь заслуг Аракчеева будет и особая награда.

В 1815 г. бриг «Рюрик» под командованием лейтенанта О.Е. Коцебу отправится в кругосветное путешествие. В феврале 1817 г. корабль подойдет к Маршалловым островам.

«23-го мы оставили о. Олот... В 9 часов мы прошли через проход подле о. Кавен, а отсюда взяли курс к юго-востоку в недалеком расстоянии от подветренной части этой группы островов, которую я назвал Аракчеевою, в честь знаменитого генерала».

А в 1820 г. экспедицией Беллинсгаузена-Лазарева будут открыты острова Раевского, атоллы Аракчеева, Витгенштейна, Волконского, Грейга, Ермолова, Кутузова, Милорадовича, Моллера, Нигиру, Остен-Сакена и Чичагова...

По возвращении в Санкт-Петербург государь вызовёт Аракчеева к себе:

«Я надеюсь, что ты будешь доволен мною, ибо, кажется, довольно долго я тебя оставил наслаждаться любезным твоим Грузином. Пора, кажется, нам за дело приниматься, и я жду тебя с нетерпением». Таврический дворец, 6 августа 1814 г.

30 августа граф получит от Александра I его портрет для ношения на шее. Правда, Аракчеев, узнавший о будущей награде, попросит императора пожаловать ему портрет без алмазных украшений.

1 января 1810 г., с учреждением Государственного совета, Сперанский становится государственным секретарём.

Александр I предложит Аракчееву на выбор: оставаться военным министром или же стать председателем департамента военных дел Государственного совета. Аракчеев выберет последнее...

3 апреля 1812 г. он напишет брату:

«...я думаю известно вам уже выезд из С. Петербурга госп. сперанского и госп. магнитского; на их счёт много здесь говорят не хорошего, следовательно естли это так, то оне и заслужили свою нынешнюю участь, но вместо оных теперь партия знатных наших господ сделалась уже чрезмерно сильно, состоящая из графов салтыковых, гурьевых, толстых и голлицыных, — следовательно я не был с первыми в связи, был оставлен без дела, а сими новыми патриотами равномерно нелюбим, так же буду без дела и без доверенности. Сиё всё меня бы не беспокоило, ибо я уже ничего не хочу, кроме уединения и спокойствия, и предоставляю всем вышеписанным вертеть и делать всё то, что к их пользам; но беспокоит меня то, что, при всём оном положении, велятъ ещё мне ехать и быть в армии без пользы, а как кажется только пугалом мирским; и я верен, что приятели мои употребят меня в первом возможном случае там, где иметь я буду верной способ потерять жизнь, к чему я и должен быть готов; вот вам моё положение в ясности...»

Но именно в Вильне всё снова резко переменится в судьбе Аракчеева.

«Июня 12-го дня, 1812 г. Французы перешли нашу границу чрез Неман; в то время я был с Государем в Вильне, откуда выехал с Государем 14-го числа в Свенцяны».

Июня 17-го дня, 1812 г. в городе Свенцянах призвал меня Государь к себе, и просил, чтобы я опять вступил в управление военных дел, и с онаго числа, вся Французская война шла через мои руки, все тайные донесения и собственноручныя повеления Государя Императора».

Вместе с императором Аракчеев уезжает из армии сначала в Москву, а потом в Санкт-Петербург.

5 августа Аракчеев назначается в состав чрезвычайного комитета, которому доверяется избрание главнокомандующего. Им становится М.И. Голенищев-Кутузов.

Неприятельские войска будут изгнаны, и в декабре Александр I с Аракчеевым снова приезжают в Вильну.

Оттуда граф будет сопутствовать императору за границу, до самого Парижа.

Во время заграничной войны Аракчеев заведовал укомплектованием войск и пополнением парков. В главных сражениях он был в государевой свите.

31 марта 1814 г. в Париже император напишет приказ о производстве, «вместе с графом Барклаем, в фельдмаршалы и графа Аракчеева», но последний этой награды не примет и выразит желание отправиться в отпуск.

Отпуская его, Александр I напишет:

«С крайним сокрушением я расстаюсь с тобою. Прими еще раз всю мою благодарность за толь многие услуги, тобою мне оказанные, и которых воспоминание останется навек в душе моей. Я скучен и огор-

Когда Комитет министров постановил удовлетворить ходатайство о выдаче генерал-лейтенанту Златницкому сверх занятой им суммы ещё такую же сумму, то Аракчеев пометит: «Кажется, богатому выдаётся много, а для бедного нечего будет выдавать»...

«Все русское радовало его и все, что, по его мнению, споспешествовало славе России, находило в нем покровительство. Не надобно было только ложиться поперек на том пути, по которому он шествовал! Да это вряд ли кто любит! Другое важное достоинство графа состояло в ненависти к всякому фанфаронству и самохвальству» (Ф.В. Булгагин).

Так как на приём к императору можно было попасть только через Аракчеева, то на встречу с ним пришлось прийти и Н.М. Карамзину, который хотел представить императору первые восемь томов «Истории Государства Российского».

«...приехал в 7 часов вечера и пробыл с ним более часу. Он несколько раз меня удивлял... Я просил... замолвить за меня слово государю».

«Государь без сомнения расположен принять вас, и не на две минуты, как некоторых, но для беседы приятнейшей, если не ошибаюсь».

Вскоре состоялась встреча Александра I с историографом.

«Он не заставил меня ждать ни минуты, встретил ласково, обнял и провёл со мною час сорок минут в разговоре искреннем, милостивом, прекрасном...»

Я предложил, наконец, свои требования. Всё принято: на печатание 60 тысяч и чин,

мне принадлежаций по закону... весну и лето жить, если хочу, в Царском Селе...»

«Неоспорно, что Аракчеева было бы странно назвать человеком добрым; неоспорно и то, что он был неумолим к иным проступкам, как, например, ко взяточничеству или нерадению по службе. Тому, кто пробовал его обмануть (а обмануть его было трудно, почти невозможно), он никогда не прощал; мало того: он вечно преследовал виновного, но и оказывал снисхождение к ошибкам, в которых ему признавались открыто, и был человеком безукоризненно справедливым; в бесполезной жестокости его никто не вправе упрекнуть» (В.А. Сухо-во-Кобылин).

Волокита и, как следствие, вымогательство с целью получения взятки преследовались им беспощадно. Аракчеев требовал незамедлительного решения вопросов и строго следил за сроками исполнения. Любое поступившее письменное обращение он рассматривал в тот же день и сразу же давал ответ.

О порядочности Аракчеева свидетельствуют и чистые бланки указов, подписанные Александром I, которые оставлял царь графу, часто уезжая из столицы. Он мог употребить их для расправы с негодными. Но ни один из бланков не был использован Аракчеевым в личных целях.

Царедворцев же он называл «гоги и магоги». В отличие от него, они гнались за наградами и, конечно, не стали бы отказываться от алмазов при портрете императора, а ходатайствовали бы о том, чтобы они были покрупнее, не в пример другим. Но...

*Хочу достоинства я чтить,
Которые собою сами
Умели титлы заслужить
Похвальными себе делами...
Осёл останется ослом,
Хотя осьль его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.*

Г. Державин. Вельможа (1794)

«...он не любил около себя шуму и восклицаний, в каком бы роде они не были... Аракчеев не был балагуром и, сколько известно, крепко недолюбливал людей этого рода. Впрочем, с ним и шутить было не совсем удобно или ловко: и все эти умники тогдашнего времени (были) замечательно тупы и теряли дар слова ... не только в присутствии сурового временщика, но даже при одном его имени» (И.А. Бессонов).

Аракчеев не скупился на поощрение выдающихся по службе чинов и умел этим путём выковырять из них себе действительно усердных и преданных помощников.

«Аракчеев с первого взгляда умеет расставить людей сообразно их способностям: ни на что постороннее не смотрит... в обращении прост, своеволен, говорит без выбора слов, а иногда и неприлично; с подчиненным совершенно искрен и увлекается всеми страстями» (Г.С. Батеньков).

*«Знаю, что меня многие не любят,
потому что я крут — да что делать? Таким
меня Бог создал! И мною круто поворачи-
вали, а я за это благодарен. Мягкими фран-
цузскими речами не выкуешь дело!..»*

*Я знаю, что меня крепко бранят,
но что же делать? Ведь дети всегда плачут,
когда их моют.*

Памятник Павлу I. Рис. И.С. Семёнов. 1822 г.

Памятник гренадерам. Рис. Я. Никифоров. 1822 г.

Мы всё делаем: от нас русских нужно требовать невозможного, чтобы достичь возможного».

В 1816 г. Аракчеева в Грузино посетит Сперанский.

16 января 1817 г. он напишет из Пензы: «*Моё главное любочестие состоит в том, чтоб ваше сиятельство некогда, везде и пред всеми могли сказать без укоризны: “я его защищал, но он стоит моей защиты”*».

Содействие Аракчеева вновь определяется на службу Сперанскому «послужило предметом изумления и общих разговоров и произвело такое же волнение в умах, как и бегство Наполеона с острова Эльбы».

В апрель 1823 г. вместо графа Гурьева министром финансов назначается Е. Ф. Канкрин, который, как он сам, тяжело вздыхая, заметит, просидел «на огненном стуле русского министра финансов» 21 год. При Канкрине экономика России будет ставиться в пример всем другим европейским странам. (См.: «Егор Францевич Канкрин — немецкий финансист России» в кн. Ю. Дрюкова. Любопытное собрание разнообразнейших историй. СПб., 2016.)

«Отметая в сторону всё положительное в личности и деятельности Аракчева, современники и исследователи их “сказаний” сделали его ответственным пред судом истории решительно за все недочеты эпохи 1815–1825 гг., которую образно символизировали “палкою, обвитою розами”, и окрестили “аракчевщиной”» (А. Т. Борисевич).

Подпись: Егор Францевич Канкрин

Егор Францевич Канкрин. Портрет кисти неизвестного художника. 30-е г. XIX в.

Грузино. 1816 год

«Июля 8-го числа, 1816 г. Государь Император Александр 1-й изволил нарочно приехать из Царского Села в Грузино.

...поутру 9-го числа в 7 1/2 часов, одевшись, изволил гулять в саду, и, пройдя чрез большой мост в деревню до магазина, где изволил сесть в елбот, заехал в беседку, посвященную генералу Мелиссино, которая очень понравилась...»

Николай Муравьев — графу Аракчееву, 7 января 1817 г. Новгород:

«В самом деле почти надобно вашему сиятельству объявить, чтоб лица, не пользующиеся вашим позволением, не беспокоились посещать вас в Грузине без предварения. Иначе нахальству в свете нет меры и беспокойства вам не будет меры, а кто не пожелает похвастаться гостеприимством грузинского помещика?»

В 1815 г. в Грузинском соборе будут воздвигнуты два памятника.

Памятник Павлу I у стены, в нише, между двумя колоннами — лик монарха в лучезарном сиянии, а под ним — часть Зодиака с изображением Весов, Стрельцов и Овна, означающих месяцы рождения (сентябрь), вступления на престол (ноябрь) и кончины (март) сего государя. На пьедестале надпись: «Сердце чисто и дух прав пред тобою».

У подножия памятника положен гранитный надгробный камень с надписью: «Да пребудет и прах мой у подножия изображения Твоего».

Второй памятник создан «В память гренадерского Графа Аракчеева полку Офицерам, положившим жизнь свою, защищая Государя и отечество в сражениях».

Полк, предводимый генерал-майором Б.Я. Княжниным, с честью сражался во всех главных битвах и подвигами своими заслужил две награды: знаки на кивера, с надписью: «За отличие», и Георгиевские знамёна, с надписью: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России, 1814 года».

Монумент украшают знамёна, под которыми полк сражался и которые, после вручения ему Георгиевских знамён, Его Императорское Величество позволил употребить на украшение этого памятника.

Каждый посетитель храма получал экземпляр книжки, составленной командиром полка Б.Я. Княжниным: «Биографии штаб- и обер-офицеров Гренадерского Графа Аракчеева полка, положивших жизнь свою, защищая Государя и отечество в сражениях 1812, 1813 и 1814 годов».

Военные поселения

Мысль о военных поселениях Александр I вполне определённо выскажет в манифесте 30 августа 1814 г.:

«Победоносное воинство Наше, которого храбрость и прежде, даже и в самые отдаленнейшие времена, всему свету была известна, и которое ныне новыми подвигами своими не токмо Отечество свое, но и всю Европу спасло и удивило, да вкусит сладкую награду в душе и совести своей. Всякое иное возмездие не сравнится с делами его и доблестью. Но Мы однакож в знак памяти содеянного им великого происшествия, желаем ознаменовать оное особою учрежденною для него медалью, с изображением на оной года и числа вступления в Париж. Також надеемся, что продолжение мира и тишины подаст Нам способ не токмо содержание воинов признать в лучшее и обильнейшее прежнего, но даже дать им оседлость и присоединить к ним их семейства».

Наводнение в Петербурге в 1824 году, на Дворцовой площади.

С рисунка того времени.

*Наводнение в Петербурге в 1824 году на Дворцовой площади.
С рисунка того времени*

Попытка создания военного поселения была предпринята ещё в 1810 г., но начавшаяся война прервала его осуществление.

Теперь Аракчееву поручается разработать новое положение, в котором «изложить главные основания устройства военного поселения и объяснить каждому хозяину те выгоды, коими он может пользоваться в новом его состоянии».

По этому проекту все владельцы крестьянских дворов утверждались в звании хозяина, который в то же время зачислялся солдатом в поселённый батальон.

Каждый хозяин принимал к себе двух солдат-постояльцев и содержал их, за что освобождался от ряда повинностей в пользу государства, а постояльцы помогали ему в сельскохозяйственных работах.

Устройство военных поселений внушало европейским державам серьёзную тревогу. В них они прежде всего видели дальнейшее увеличение русской армии и полагали, что из 6 млн. государственных крестьян в России 4 млн., обращённые в военные поселения, могут принять всю армию численностью до 1 млн., что составит около 5 млн. войска. Реализация этого грандиозного проекта «сможет помочь сильному властителю повергнуть все европейские троны и изгнать все существующие династии».

«Военные поселения круто ломали жизнь русского крестьянства с его традиционным укладом, обычаями, привычками, пусть даже несчастливую, а для русского человека являлось, пожалуй, наиболее трагичным особенно в свете тех максималистских требований, которые предъявлял Аракчеев, перенесший на военных поселенцев принципы хозяйствования и порядки, заведенные им в Грузии» (В.А. Федоров).

Во многих местах крестьяне протестовали против обращения их в военных поселенцев, но все эти протесты жестоко подавлялись.

Наиболее сильное восстание случилось летом 1819 г. в Чугуеве, куда будут

стянуты регулярные войска (более 6 тыс. человек пехоты и кавалерии, две артиллерийские роты).

Число арестованных достигло 2003 человек, из них 273 были приговорены к смертной казни, впоследствии отменённой; наказанию шпицрутенами подверглись 54 человека, из них 29 были забиты насмерть.

Пушкин, возмущённый жестокостью этой расправы, сочинил эпиграмму: «В столице он — капрал, в Чугуеве — Нерон, кинжала Зандова везде достоин он».

Но постепенно всё успокоилось, и в письмах к императору Аракчеев будет сообщать, что «По милости Божией во всех военных поселениях, слава Богу, смиренно и благополучно...».

К концу царствования Александра I будет поселено: пехотных — 138 батальонов, кавалерийских — 240 эскадронов. Пользовались постоем: 28 артиллерийских рот, 32 фуhrштатских (военный обоз) роты, 2 сапёрных роты, 3 роты на Охтинском пороховом заводе. Так что под началом Аракчеева состояло до 749 тысяч душ, расселённых на площади свыше 2,3 млн. десятин земли.

Общий расход казны был до 18 миллионов рублей, а собственный капитал военных поселений достигнет 30 миллионов.

В этих поселениях отсутствовали нищенство, бродяжничество и пьянство.

Семьям, попадавшим в состояние нужды вследствие неурожая или стихийных бедствий, немедленно оказывалась помощь продуктами и стройматериалами из вспомогательных фондов, специально созданных графом.

Будет хорошо развита транспортная сеть, в том числе налажено регулярное движение пассажирских пароходов по оз. Ильмень и р. Волхов.

Произойдёт создание ряда паровых лесопильных и мукомольных заводов, развитие сети конских заводов и заводов рогатого скота, внедрение многопольных севооборотов, обучение поселенцев передовым приёмам агротехники, откры-

тие агротехнических и ветеринарных школ, развитие медицинского обслуживания, функционирование развитой сети школ военных кантонистов и т.д.

«Обязанность моя, как объездного врача, состояла в ежедневном осмотре всех жителей округа, помещенных в более 300 связях, на расстоянии тридцати верст... несколько десятков раз подниматься в мезонины для осмотра заболевших нижних чинов или кантонистов и не быть уверенным, что тебя и ночью могут потребовать к внезапно заболевшим или родильницам. Для этой цели находилась безотлучно пара лошадей при объездном враче» (И.И. Еропеус).

Сперанский писал графу Аракчееву 19 августа 1822 г.:

«Воротясь из Грузии, первое движение моё было принести вашему сиятельству благодарность за всё, что мы видели и что в течение трёх дней приятного нашего путешествия и в Грузинской обители от почтенного её настоятеля и в чудесных военных поселениях от главного их начальника и учредителя испытали».

М. Сперанский — графу Аракчееву, 22 марта 1823 г.:

«С истинною благодарностию возвращаю вашему сиятельству отчёт военных поселений. Я читал его с таким же удовольствием, с каким читают путешествия в страны неизвестные. Тот не имеет ещё понятия о военных поселениях, кто удивляется их успехам, не зная каких трудов стоили сии успехи. Сколько разнообразий видов, кои надлежало обнять и сообразить, сколько неумоверных трудов, с коими должно было бороться».

3 апреля 1824 г. Сперанский прислал Аракчееву записку:

«Честь имею представить вашему сиятельству первое начертание введения к учреждению военных поселений».

Год спустя Сперанский издает брошюру о военных поселениях, в которой даёт полную характеристику данному учреждению:

«Военные поселения суть часть общенародонаселения, особенно определённая к составлению воинских сухопутных сил, к их пополнению и содержанию».

7 ноября 1824 г. в Санкт-Петербурге случится невиданное прежде по своему масштабу наводнение.

На следующий день граф Аракчеев напишет императору:

«Я не мог спать всю ночь, зная ваше душевное расположение, а потому и уверен сам в себе, сколь много Ваше Величество страдает теперь о вчерашнем несчастье... надобны деньги, и деньги неотлагательные, для подаяния помощи беднейшим, а не богатым».

Подданные ваши должны вам помогать...

Вашим, батюшка, благоразумным распоряжением с моими малыми трудами составлен довольно знатный капитал военного поселения. Я, по званию своему, не требовал из онаго даже столовых себе денег. Ныне испрашиваю в награду себе отделить из онаго капитала один миллион на пособие беднейшим людям».

Император ответил в тот же день:

«Мы совершенно сошлись мыслями, любезный Алексей Андреевич! А твоё письмо несказанно меня утешило, ибо нельзя мне не сокрушаться душевно о вчерашнем несчастии, особливо же о погибших и оплакивающих их родных. Завтра побывай у меня, дабы все устроить. Навек искренне тебя любящий Александр».

Летом 1825 г. государь предложит Карамзину съездить вместе с Аракчеевым в новгородские поселения, чтобы лично ознакомиться с ними и с их порядком.

31 июля Карамзин напишет Н.И. Дмитриеву:

«...граф Аракчеев угостил меня с ласкою необыкновенною. Поселения удивительны во многих отношениях. Там, где за восемь лет были непроходимые болота, видишь сады и города. Но русский путешественник уже стар и ленив на описания».

При Николае I военные поселения будут преобразованы в округа пахотных солдат, в которых поселяне-хозяева будут освобождены от строевой службы.

Упразднены эти округа будут только в 1856 г., уже при императоре Александре II.

Но весной 1920 г. в Москве состоится IX съезд РКП(б).

На нём Ленин в отчётном докладе особенно подчеркнёт важнейшее значение единого хозяйственного плана, основой которого должна стать электрификация страны.

А вот Троцкий выступит с планом расширения всеобщей трудовой повинности, создания трудовых армий и милитаризации всей системы управления.

Страна должна была превратиться в единый военный лагерь, где каждый трудящийся становился и солдатом.

«Нам необходимо иметь в руках молот, топор, пилу, хотя в то же время мы не можем спускать глаз и со своей винтовки, временно поставленной в угол...»

Уже с начала 1920 г. из высвобождающихся на фронте воинских частей начинаются формироваться трудовые армии.

Конец царствования Александра I

10 сентября 1825 г. грузинскими дворянами будет зарезана Настасья Фёдоровна Минкина — домоправительница Аракчеева.

Потеряв любимую женщину, граф будет вне себя от горя.

«Двадцать два года спала она не иначе, как на земле у порога моей спальни, а последние пять лет я уже упрямил её ставить для себя складную кровать...»

Не проходило ни одной ночи, в которую бы я, почувствовав припадок и произнеся какой-нибудь стон, даже и во сне, чтобы она сего же не услышала, и в то же время входила и стояла у моей кровати, и если я не проснулся, то она возвращалась на свою, а если я сделал оное проснувшись, то уже заботилась обо мне, спрашивая: не нужно ли позвать Даллера, подать питья или чего другого...»

Настасья Фёдоровна Минкина.
Неизвестный художник

Во все 27 лет её у меня жизни, не мог я её никогда упрямить сидеть в моём присутствии, и как скоро я взойду в комнату, она во всё время стояла...»

Многие из сановников направят в Грузию письма соболезнования и своего участия в постигшем графа горе. Сперанский, узнав о состоянии Аракчеева, отправится к нему и больше двух месяцев будет находиться при графе, пытаясь его утешить.

Император напишет Аракчееву:

«Любезный друг! Несколько часов, как я получил письмо твоё и печальное известие об ужасном происшествии, поразившем тебя... Искренне разделяю я твою печаль. Хотя я не знал и не видывал особы, тобою оплакиваемой, но она тебе была искренним и давнишним другом, сего довольно, чтобы потеря её была для меня прискорбна... Ты мне пишешь, что хочешь удалиться из Грузина, но не знаешь, куда ехать? Приезжай ко мне: у тебя нет друга, который бы тебя искренне любил...»

9 ноября Александра Благословенного не стало. С глубоким отчаянием и слезами Аракчеев встретил останки своего царственного друга на границе Новгородской губернии и проводил их до Петербурга, где при погребении, выполняя свою последнюю службу покойному государю, нёс корону Казанского царства...

При Николае I

19 декабря 1825 г. Николай издал рескрипт, в котором подтверждал статус Аракчеева при императорском дворе, приданный графу покойным государем:

«Граф Алексей Андреевич! В Бозе почитающему императору Александру Павловичу благоугодно было учредить военные поселения для пользы государства Нашего, и вы, будучи всегда точным и верным исполнителем воли его, успели достигнуть цели благоволения его намерений. Предполагая и вменяя себе в обязанность поддерживать устройство начатого дела, я надеюсь, что вы будете мне воспомоществовать в оном...»

Пребываю к вам всегда благосклонный Николай».

Правда, Аракчеев будет освобождён от должности управляющего Собственной Его Императорского Величества канцелярией и от заведования делами Комитета министров.

9 апреля 1826 г. Аракчеев обратится к Николаю I с просьбой о заграничном отпуске для лечения с сохранением содержания: *«Ваше императорское величество, всемилостивейший государь!*

Несколько лет уже я страдаю болю в груди... я ни днем ни ночью не имею покоя.

Я советовался с многими врачами... все решительно говорят, что мне остается одно средство: испытывать Карлсбадские воды.

Я служу уже 4-му Российскому государю; офицером с 1787 г. и во все сии 39 лет, в первый раз прошу моего императора об отпуске меня за границу... прошу оказать мне монаршие милости... предоставить мне пользоваться во время отпуска ныне получаемым мною жалованием. Оно не омерно, всемилостивейший государь, и менее получаемого не только моими со товарищами, но даже и многими статс-секретарями.

Не позволил бы я себе утруждать ваше императорское величество просьбою о последнем, ежели бы мог обойтись в приготовлении себя к отъезду и в содержании себя за границу; но мои нужды доказывает продажа домовых моих столовых, серебряных вещей...»

Графом были проданы в кабинет Е.В.: за 8400 руб. табакерка черепаховая, оправленная в золото и украшенная бриллиантами, подаренная в 1812 г. наследным принцем шведским, и за 2100 руб. перстень бриллиантовый с вензелем императора Павла.

Кроме этого Аракчеев продал серебряную посуду, десертное вызолоченное серебро и фарфоровые десертные тарелки на 28391 руб.

В 1826 г. граф отстраняется от начальства над военными поселениями и увольняется в бессрочный отпуск для лечения. На дорожные издержки государь пожалует ему 50 тыс. рублей, которые Аракчеев тотчас же препроводил к императрице Марии Фёдоровне с просьбою обратить их в капитал, на проценты с которого учредить в Павловском институте 5 стипендий имени Императора Александра Благословенного.

Императрица Мария Фёдоровна — графу Аракчееву, 20 апреля 1826 г.:

«Граф Алексей Андреевич! Я читала со вниманием и чувством письмо ваше от 17-го сего месяца и обязанностью Себе поставила довести оное до сведения Императора, любезного моего сына. С удовольствием извещаю вас, что с соизволения Его Императорского Величества, благотворительное ваше намерение в пользу бедных девиц в точности исполнится. Капитал 50000 руб., вами для сего жертвуемый, принят будет для обращения в сохранный казне...»

Желая восстановления вашего здоровья, Я повторяю вам изъявления истинного доброжелательства с каковым Я пребываю вам благосклонной».

Экслибрис библиотеки графа Аракчеева

Грузино. 1827 год

Ближе всех к дворцу Аракчеева располагалась каменная оранжерея со сплошным остеклением, где граф разводил апельсиновые, померанцевые и лавровые деревья. Здесь же он устроил себе небольшой кабинет для занятий и хранил часть библиотеки.

Вскоре после возвращения Аракчеева из-за границы здание оранжереи сильно пострадало, о чём хозяин напишет Ф.И. Апрелеву:

«... сколько я терплю несчастьев, продолжающихся непрерывно. И ныне по приезде моем на 3-й день был у меня здесь пожар: сгорела большая у пристани рожерея, пропали все пожалованные покойным государем померанцевые деревья, истреблена библиотека, которую я собирал сорок лет и имел редкие манускрипты...»

Теперь оставшаяся часть графской библиотеки будет насчитывать 3780 сочинений в 11184 томах. «Книг на немецком языке насчитывалось 2414, на французском — 2677, на других языках (латыни, итальянском) — 197» (К.М. Ячменихин).

Аракчеев занимается хозяйством, устраивает «хранилище драгоценнейших для него залогов доверенности и благодарностей, коими он пользовался от своих Монархов» и сберегает «как святыню, все украшения комнат, в которых останавливался миротворец Европы, во время неоднократных его пребывания в Грузине».

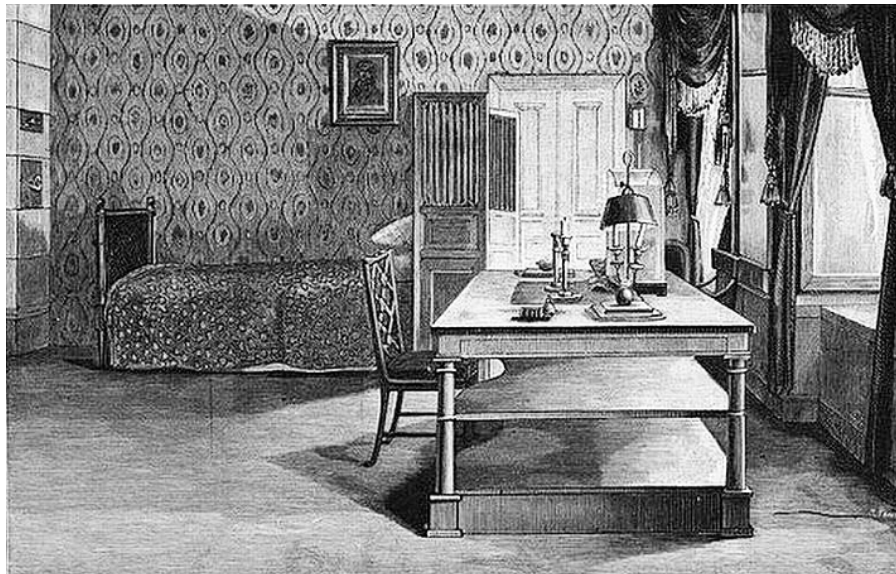
В 1829 г. в кабинете будут установлены бронзовые часы, заказанные Аракчевым в Париже. Они били один раз в сутки, в час смерти императора.

Летом 1831 г. в новгородских военных поселениях вспыхнул бунт.

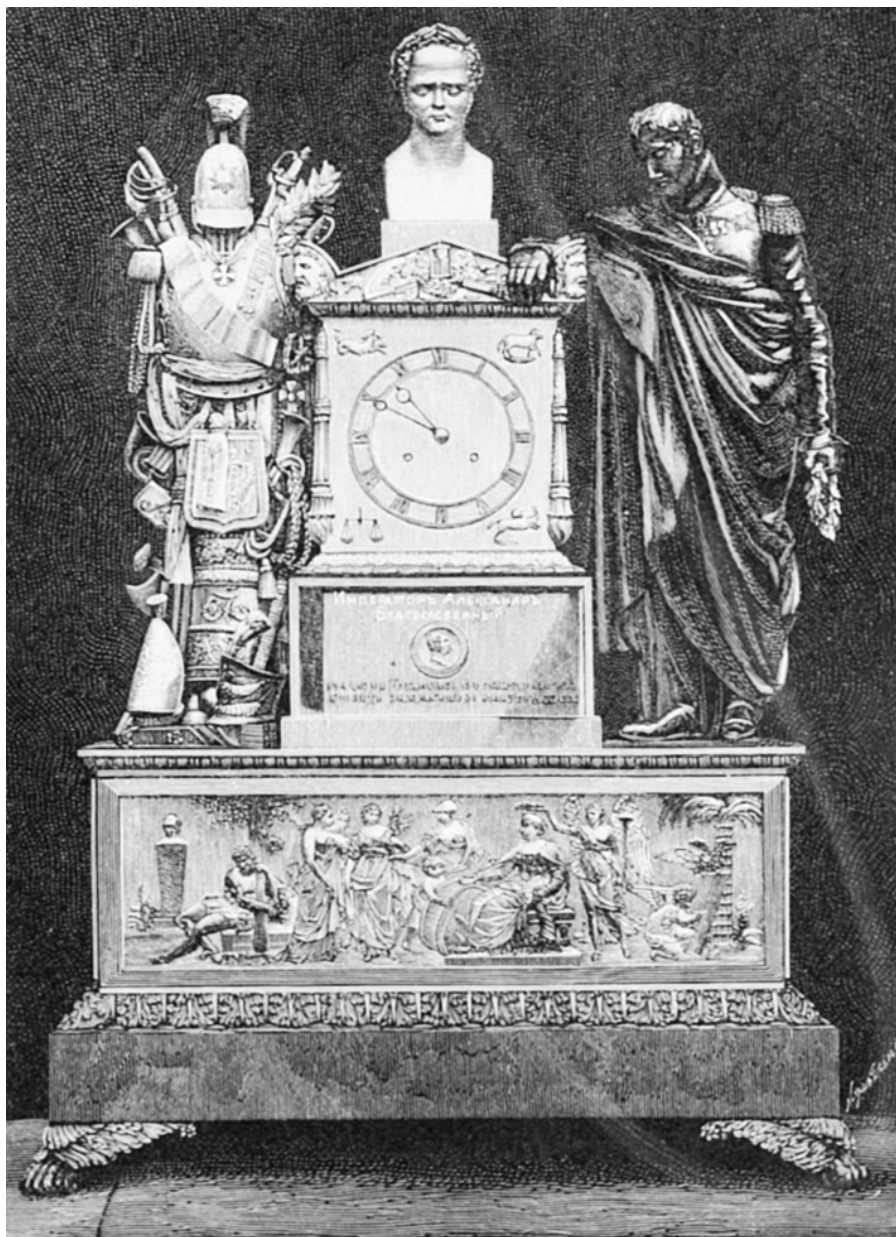
Опасаясь за свою жизнь, Аракчеев переезжает в Новгород. Но там местное начальство настолько не радуется его приезде, что даже настаивает, чтобы он выехал в Тверскую губернию. Тогда Аракчеев обращается с жалобой к Николаю I.

На его письмо последовала нижеследующая резолюция императора на имя генерал-адъютанта А.И. Чернышева:

«Из прилагаемого письма г. Аракчеева увидите сколь неприлично поступают с генералом в службе считающимся. Напишите предписание г. Люце и г. губернатору, что на личную их ответственность возлагаю

Кабинет графа Аракчеева, где останавливался Александр I

Часы в память императора Александра Благословенного

близости за безопасностию г. Аракчеева во время его пребывания в Новгороде; что их дело охранять от обид каждого, подавно же тех, коих удостоиваю носить мой военный мундир. Г. Люце, как временному коменданту, поставить следующих по уставу часовых к дому г. Аракчеева и принять все меры, если б чему не верю, была точная опасность, чтоб с ним ничего не приключилось».

После подавления бунта Аракчеев снова возвращается в Грузию и продолжает заниматься его благоустройством.

Воспоминания крестьянина Ивана Шеллоники, составившего себе мнение об Аракчееве по рассказам отца Степана и деда Феофана, которые жили при графе:

«Терпеть не могу, когда начнут ругать графа... Благодетелем мужиков был Аракчеев, добрым и заботливым отцом, а не мучителем. Без хлеба ни один не сживал, не вздувало с голоду брюхо, как в нынешние времена...

Пьяниц и лентяев не любил он дуже, а зато кто работал по порядку, то тому граф оказывал всякую помощь. Бывало, околела лошадь или корова — другую распорядится дать, — получи и работай! А теперь что? Пьяниц разводят, чтобы водки больше выпили, кабаков понастроили!..

Чтобы нынче кому корову или лошадь дали, хотя бы взамен околевшей, — и вспомину нет... Теперь вот и хлеба нет, и работы нет, и дров неоткуда привезти, — кругом леса барские да казенные, а подати все-таки подай. Выжимают последнюю силу...

Аракчеев, бывало, возьмет оброк только с того, кто в силу взойдет, кому нет от этого разоренья...

Эво, теперь не могут соблюсти порядка в полях. Ни дорог, ни канав, ни мостков не стало в поле; плехнёт немного дождя, ну и затонули все полосы и все труды, а дороги обращаются в лужи — ни пройти, ни проехать...

При Аракчееве не так было... Всюду порядок, канавы глубокие, не засорены, дороги ровные, а рожь-то так весело колыхается, словно кланяется в пояс каждому и говорит спасибо за внимание к ней...»

И дедушка всегда высказывал пожелание, чтобы граф явился с того света хотя на один бы годик почистить землю от мусора.

Но...

Имение Аракчеева не станет примером для крестьянских селений, неказистый вид которых будет неизменным ещё многие годы.

Так, даже в 1887 г. русский предприниматель и меценат В.А. Кокорев в книге «Экономические провалы» напишет, что привычная картина российского сельского быта — «избы без соломенных крыш, снятых для корма скота в конце зимы... коровы, поворачиваемые колыями от бессилия встать на ноги, вследствие зимней бескормицы, и, наконец... кладовые большинства наших крестьян, все имущество которых состоит из старых тряпок, кое-каких веревок, изношенной обуви, оборванной сбруи и обвитых берестом горшков»...

А вот когда ему случалось заходить в крестьянские дома в Пруссии, Бельгии,

Франции и Англии, то он «находил в них, кроме каменной и металлической посуды, белье, одеяла, мебель, зеркала, книги, а в Англии даже ковры на полу, — словом, очевидное довольство».

В апреле 1833 г. граф Аракчеев положил в государственный заёмный банк под проценты 50 тысяч рублей с тем, чтобы эта сумма оставалась в банке девяносто три года неприкосновенною со всеми процентами. Из неё граф завещал выделить в 1925 г. три четверти в награду автору, который через 100 лет по смерти Александра I напишет лучшее историческое сочинение о нём. Оставшаяся часть денежной суммы предназначалась на оплату расходов

по изданию книги и её переводу на французский и немецкий языки, а также на премию автору биографии Александра, которая будет признана второй по качеству.

В 1910 г. в январском номере журнала «Русская старина» будет напечатана статья «Аракчеевская премия», в которой сообщалось, что через 5 лет, т.е. в начале 1915 г., должно быть напечатано объявление о духовном завещании графа Аракчеева.

При этом отмечалось, что с 1861 г. на подобные капиталы производится лишь 2% в год, без начисления процентов на проценты. Но в виду «особенного значения этого пожертвования для отечественной истории» было принято решение обратиться

Портрет Царя Освободителя. Худ. Дж. Доу, 1826 г.

этот капитал в непрерывно доходный 4%-й билет.

Но изменение политического строя в стране не даст возможности в 1925 г. осуществиться завещанию Аракчеева.

Правда, в 1924 г. М. Волошиным будет написана поэма «Россия», в которой он назовёт Петра Великого первым большевиком, а графа представит первым коммунистом:

*Минует век, и мрачная фигура
Встает над Русью: форменный мундир,
Бескровные щетинистые губы,
Мясистый нос, солдатский узкий лоб,
И взгляд неизреченного бесстыдства
Пустых очей из-под припухших век.
У ног её до самых бурых далей
Нагих равнин — казарменный фасад
И каланча: ни зверя, ни растенья...
Земля судилась и осуждена.
Все грешники записаны в солдаты.
Всяк холм понизился и стал как плац.*

*А надо всем солдатскою шинелью
Провис до крыш разбухший небосвод.
Таким он был написан кистью Доу —
Земли российской первый коммунист —
Граф Алексей Андреевич Аракчеев.*

19 ноября 1833 г. Аракчеев воздвигнет перед соборным храмом памятник Александру I с надписью: «Государю-Благотелю, по кончине Его».

На его пьедестале располагались три фигуры: Вера, Надежда и Милосердие, поднимающие бюст императора.

У подножия памятника восседали две фигуры: российский воин в крестьянской одежде на опрокинутой мортيره и освобождённая Европа.

«Теперь я все сделал и могу явиться к императору Александру с рапортом», — писал Аракчеев одному из своих знакомых после открытия памятника.

Но будет ещё одно дело, оставившее память о графе до сегодняшних дней.

Благодаря внесённым Аракчеевым 300 тыс. рублей, в 1833 г. будет основан Новгородский кадетский корпус. Николай I удостоит Аракчеева милостивого рескрипта и повелит великому князю Михаилу Павловичу именем Его Величества пригласить графа на торжество открытия корпуса.

В течение обеда великий князь очень много говорил с Аракчеевым и даже обратился к нему со словами:

— Я прошу вас, как близкого соседа, почаще навещать корпус и, пожалуйста, требуйте, чтобы кадет как можно лучше кормили.

— Опасаюсь, Ваше Высочество, — отвечал граф, — понравятся ли мои посещения. Когда я заведовал батальонами военных кантонистов, то их кормили отлично, потому что у меня было такое обыкновение: если щи не хороши, я и велю выворотить котёл на голову эконома.

Великий князь обратил эту фразу в шутку, а кадеты запомнили её твёрдо и всякий раз, как были недовольны экономом Шишмолиным, напоминали её.

Завещание

Аракчеев скончался в ночь под Светлое Христово Воскресение, 21 апреля 1834 г.

Он будет погребён в соборе у подножья памятника Павлу I, одетый в рубашку, подаренную ему ещё цесаревичем Александром Павловичем, которую он бережно хранил в специальном деревянном футляре почти 40 лет.

В завещании графа не был указан наследник, поэтому Николай I официальным наследником имущества определит Новгородский кадетский корпус. Высочайшим повелением тогда же будет принято решение «корпусу сему именоваться Новгородским графа Аракчеева кадетским корпусом и употреблять его герб».

Погоны кадетам полагались «темно-зелёные, с красною выпушкою и с жёлтою высечкою Г.А. — т.е. Граф Аракчеев».

Богатейшее книжное собрание графа подвергнется рассортировке. Книги, заслуживающие особого внимания, будут распределены между Собственной Е.И.В. канцелярией, Инженерным архивом и библиотеками: Артиллерийского департамента, Главного штаба, Морского штаба и Синопольной.

Более 10 тысяч томов из аракчеевской библиотеки перейдут в собственность Новгородского (с 1866 г. — Нижегородский) кадетского корпуса;

В церковь кадетского корпуса по Высочайшему повелению будет передан и находившийся в доме графа образ Нерукотворенного Спаса со следующей надписью:

«Господи! Дай милость ненавидящим мя и враждующим мне и поносящим меня, да никто из них мене ради пострадает ни в нынешнем ни в будущем веце, но очисти их милостью Твоею и покрой их благодатью Твоею и просвети; во веки веков, аминь!»

Портрет А.А. Аракчеева. Худ. Дж. Доу, 1823 г.

Нижегородский кадетский корпус

Герб аракчеевцев

Основная литература

Аракчеев А.А. Автобиографические заметки графа Аракчеева. Русский архив. 1866. Вып. 9.

Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время: В 6 т. СПб., 1869–1871.

Булгарин Ф.В. Поездка в Грузино. СПб., 1861.

Давыдова, Е.Е., сост. Аракчеев: свидетельства современников. Сост. Е.Е. Давыдовой и др. М., 2000.

Вяземский П.А. По поводу записок графа Зенфта // Русский архив. 1876. Кн. 1.

Военная энциклопедия: Тип. Т-ва И.Д. Сытина. СПб., 1911. Т. II.

Исторический обзор деятельности Комитета Министров // Сост. С.М. Середонин. СПб., 1902. Т. 1.

Историческое описание села ГРУЗИНА, собранное из достоверных повествований и собственных наблюдений по 1816 год Грузинского Собора протоиереем Феодором Малиновским. М., 1816.

Карцов П.П. Исторический очерк Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса и Нижегородской военной гимназии (ныне Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус). 1834–1884. СПб., 1884.

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр и его сподвижники в 1812–1815. СПб., 1849. Т. VI.

Письма главнейших деятелей в царствование Императора Александра I (1807–1829 год) // Сост. Дубровин Н.Ф. М., 2006.

Ратч В.Ф. Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве. СПб., 1864.

(Романов) Николай Михайлович, великий князь. Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб., 1912: В 2 т.

Столетие военного министерства. 1802–1902. СПб., 1902–1914. Т. 3.5, Т. 6, Т. 7.1.

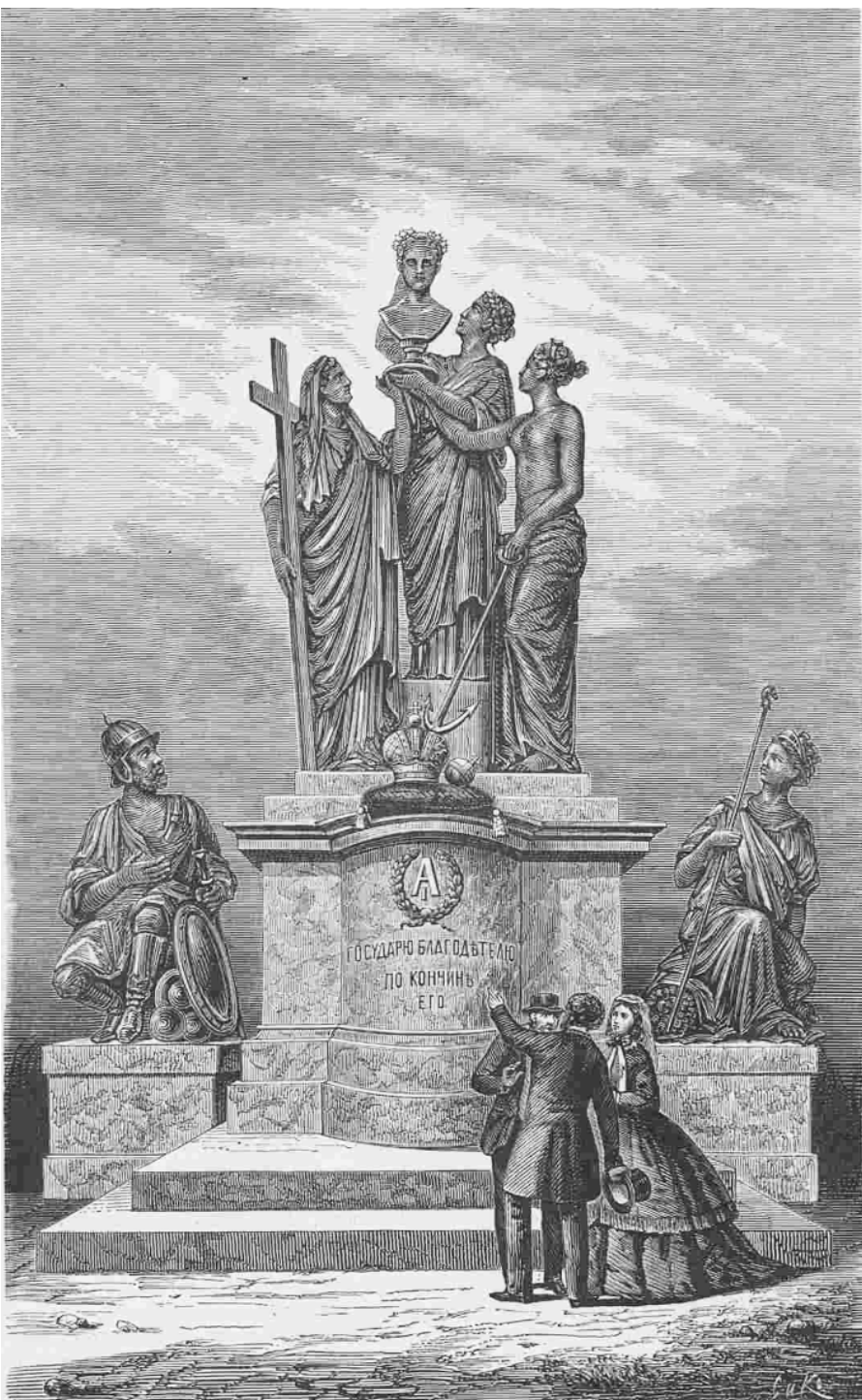
Струков Д.М. Аракчеев граф Алексей Андреевич (Сост. для Биогр. слов. рус. деятелей, изд. Рус. ист. о-ва), СПб, 1894.

Томсинов В.А. Аракчев (серия «Жизнь замечательных людей»). М., 2010.

Федоров В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчев. М., 1997.

Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб., 1898–1905.

Журналы: «Исторический вестник», «Русская старина», «Русский архив».

Памятник Александру I в Грузино

